

Тун Эрбао кричал и вырывался, но человек, державший его за воротник, не собирался отпускать. Сквозь толпу он увидел свою мать, стоявшую на коленях, и закричал, умоляя о помощи:

— Мама! Мама! Этот человек обижает меня, убей его!

Он не понимал, что с каждым его словом лицо Сунь Сяолань становилось всё бледнее. Жители деревни Дая знали характер Тун Эрбао. Он часто ругался и дрался, и даже его собственные старшие не были застрахованы от его ударов. Но они считали, что Тун Эрбао — всего лишь ребёнок, и его выходки были нормальными.

Однако, судя по словам Чжоу Минъяня, этот десятилетний мальчишка был способен на убийство. К тому же, Тун Эрбао кричал, чтобы его мать убила Чжао Ли, что показывало его жестокость. Все начали верить, что Тун Эрбао действительно мог совершить такое. С его уровнем интеллекта и эмоционального развития, он даже не замечал, что что-то не так.

Чжао Ли притащил его в храм предков и отпустил. Тун Эрбао с плачем бросился к матери, но Ван Пинпин схватила его и спросила:

— Это ты толкнул малыша в воду?

Его вопль резко оборвался. Тун Эрбао, не думая, признался:

— А ты откуда знаешь?

Деревенские жители взорвались. Третий дедушка смотрел на него с ужасом:

— Эту семью испортили. Совершил такое, а ещё смеет говорить об этом открыто, совсем без стыда!

Бабушка Ли поддержала:

— Да, совсем маленький, а уже на убийство способен. Вырастет — неизвестно, что натворит.

Чжоу Минъянь усмехнулся. Он посмотрел на Сунь Сяолань, которая сидела на земле, и она почувствовала холод по спине. Юноша громко сказал:

— Малыш тебе ничего плохого не сделал. Почему ты так его ненавидишь, что хочешь его смерти?

Несмотря на свою испорченность, Тун Эрбао был всего лишь ребёнком. После того как он толкнул Тун Цяня в воду, он испугался и рассказал матери. Сунь Сяолань была в шоке, но, узнав, что Тун Цяня спасли, велела сыну молчать. Но теперь, увидев, что Тун Цянь жив и здоров, Тун Эрбао решил, что это событие ничем не отличается от его обычных шалостей. Раньше его семья всегда могла всё уладить.

Поэтому он закричал:

— Это его мама не хотела делиться деньгами с моей мамой! У нас дома нет денег на еду, это всё из-за него!

Даже теперь этот ребёнок не чувствовал ни капли раскаяния, перекладывая всю вину на жертву. Его натура была поистине злой.

Сунь Сяолань вдруг закричала:

— Заткнитесь, все заткнитесь!

Но годы избалованности сделали её бессильной перед сыном. Он игнорировал мать и продолжал ругаться:

— Мама сказала, что это из-за вас у меня нет куриных ножек и игрушек. Если бы вы все умерли...

Не закончив фразы, Сунь Сяолань бросилась к нему и ударила по лицу:

— Я сказала заткнуться, ты не слышишь?!

Тун Эрбао схватился за щёку, не веря своим глазам. В его памяти никто никогда не смел его ударить. Детская гордость вспыхнула, и Тун Эрбао заплакал, упав на землю:

— Ты ударила меня, я расскажу бабушке и дедушке!

Этот трюк всегда работал. Раньше, что бы он ни сделал, его семья всегда его защищала. Но на этот раз это не сработало. Сунь Сяолань лишь с ненавистью указала на своего сына, который только усугублял ситуацию.

Чжоу Минъянь холодно наблюдал:

— Раз он сам признался, то давайте вызовем полицию.

Раздался старческий голос:

— Кто посмеет вызвать полицию!

Это были бабушка и дедушка Тун Эрбао, которые, услышав новости, наконец пришли. Тун Эрбао, увидев своих защитников, сразу бросил мать и бросился в объятия бабушки, изображая обиду. Его бабушка чуть не умерла от жалости:

— Мой хороший, мой хороший, скажи бабушке, кто тебя обидел, я его накажу.

Выражения лиц окружающих были красноречивы. Не разобравшись в ситуации, она сразу решила, что её внука обидели. Видимо, так всегда и было.

Выслушав рассказ старших, бабушка Тун Эрбао широко открыла глаза и закричала:

— Какая полиция? Кто посмеет вызвать полицию! — Она указала на Тун Цяня:

— Этот ребёнок ведь жив, а вы моего внука до смерти напугали. Я даже не требую извинений, а вы ещё хотите полицию вызывать?

Тун Цянь впервые увидел, как старые злодеи могут запутать ситуацию. Он улыбнулся:

— Не вызывать полицию тоже можно. Давайте я толкну Тун Эрбао в пруд. Если он сам вылезет и не утонет, то дело будет закрыто.

Тун Эрбао испугался и спрятался за бабушкой, потеряв всю свою наглость. Его бабушка, несмотря на возраст, была проворна. Увидев, что Чжао Ли действительно собирается схватить

Тун Эрбао, она села на землю, притворно плача и стуча по земле:

— Вы, мерзавцы, обижаете людей. Вы же знаете, что отец Эрбао не дома. Может, вы нас всех утопите?

Увидев, как шестидесятилетняя старуха валяется на земле, многие бы растерялись, но Чжао Ли был непреклонен. Он легко оттолкнул старуху в сторону и быстро схватил Тун Эрбао за воротник, потащив его к Тун Цяню. Бабушка попыталась остановить его, но Чжао Ли увлек и её за собой. Ситуация стала хаотичной.

Староста деревни, видя, что дело заходит слишком далеко, решил вмешаться. Он приказал нескольким мужчинам остановить Чжао Ли, а женщинам — поднять бабушку Тун Эрбао, которая видела только своего внука:

— Ладно, ладно, сегодня жарко, все разойдитесь. Мы разберёмся с этим позже...

Тун Цянь не собирался сдаваться. Он поднял голову и спросил:

— Дедушка староста, а какое сегодня число?

Староста замер:

— Сегодня первое число.

В деревне все ещё использовали лунный календарь:

— А, — сказал Тун Цянь, — твоя мама умерла.

Староста оцепенел, затем пришёл в ярость и бросился к нему, но его остановили. Он указал на Тун Цяня и обвинил Ван Пинпин:

— Вы говорите, что Тун Эрбао плохой, а посмотрите на вашего Тун Цяня! Если его сейчас не наказать, что будет дальше!

Ван Пинпин не понимала, почему Тун Цянь вдруг стал ругаться, и спросила его. Её сын, сжав лицо, сказал:

— Я видел бабушку.

Бабушкой была мать старосты, самая старшая в деревне. Что? Ещё не успев понять, один человек подбежал и схватил старосту, задыхаясь:

— Беги домой! Твоя мама упала, ей плохо!

Староста, не думая, побежал за ним. Остальные смотрели на Тун Цяня с новым уважением. Даже бабушка Тун Эрбао молча поднялась и, встретившись взглядом с Тун Цянем, вздрогнула и отвернулась.

Ван Пинпин дрожащим голосом спросила:

— Малыш, откуда ты знал?

Конечно, из воспоминаний прошлой жизни. Каждый год в это время он ходил на могилу прабабушки. Но он не сказал этого. Он лишь улыбнулся своей детской улыбкой, но в его глазах

было что-то зловещее:

— Прабабушка сама мне сказала. Она велела позвать дедушку старосту домой.

Несмотря на яркое солнце, все почувствовали холодный ветер. Сунь Сяолань вздрогнула. Она смотрела на Тун Цяня, и в её голове мелькали истории о призраках, возвращающихся за мезтью:

— Призрак! — закричала она в панике, пытаясь увести Тун Эрбао домой.

Тонкая белая рука поднялась в воздух. Подняв голову, она увидела, как Тун Цянь улыбается:

— Тун Эрбао, не забудь, ты мне должен жизнь.

Сунь Сяолань хотела оттолкнуть его, как вдруг издалека донесли крики из дома старосты. На улице загремели хлопущки. Не в праздник, а в обычный день, и крики в доме — явный знак того, что бабушка умерла.

Исправлены разговорные конструкции ("чё" → "что")

Приведены к стандарту числительные (100 кг → ста килограммов)

Унифицировано оформление прямой речи и действий персонажей

<http://bllate.org/book/16382/1482869>